

—

Даже принимая душ, Лу Ичуань никогда не снимал то, что висело у него на шее.

Тёплый, гладкий кусочек он взял с собой в ванную.

Горячий пар поднимался над его головой, капли воды стекали по лицу, падали на грудь, разбрызгиваясь и оседая на белоснежной фаланге, которую он осторожно вытирал рукой.

Температура тела и влажный пар смешивались в замкнутом пространстве.

Холодная кость, казалось, тоже приобрела частичку человеческого тепла.

...

Лу Ичуань привёл себя в порядок и вернулся в тёмную комнату.

Односпальная кровать там была узкой и маленькой, а постельное бельё с принтом в виде медвежонка было выцветшим от стирок. Когда он ложился, то не мог даже полностью вытянуть ноги.

Но Лу Ичуань чувствовал необъяснимое спокойствие.

Воздух в комнате был пропитан запахом ладана, и от него исходил неопиcуемый, странный аромат, который вызывал сонливость.

Он натянул одеяло, взглянул на фотографию, лежавшую на алтаре, достал фалангу, спрятанную на груди, нахмурился и нежно поцеловал её.

«Спокойной ночи, Жунжун».

—

Лу Ичуань впервые встретил Цзян Хэна, когда ему было четыре года.

Ему было четыре, Цзян Хэну — два.

Четырёхлетнего Лу Ичуаня, вернувшись из детского сада, мать заставляла учиться играть на пианино в гостиной.

Клавиши пианино окрасили его детство в чёрно-белые тона.

Именно тогда Цзян Хэн пришёл к нему домой.

В то время семья Лу ещё не поднялась и считалась лишь посредственным богатым кланом. А семья Цзян ещё не пришла в упадок, её положение было гораздо выше, чем у семьи Лу.

Две семьи случайно стали соседями. Мать Лу Ичуаня была вне себя от радости, когда семья Цзян пришла в гости. Увидев двухлетнего ребёнка, она попросила Лу Ичуаня, который был на два года старше, спуститься и составить компанию гостям.

Это была их первая встреча с Цзян Хэном.

Двухлетний малыш Цзян только-только научился ходить, на нём был комбинезончик с изображением утёнка, волосы на голове были очень пышными и густыми, большие глаза и маленький рот, он был похож на куклу.

Лу Ичуань впервые увидел такого красивого ребёнка и на мгновение оцепенел.

Малыш Цзян, однако, был очень общительным. Увидев Лу Ичуаня, он, держа в руке плюшевого утёнка, утиной походкой подбежал к Лу Ичуаню.

Он поднял пушистого утёнка в руке, чтобы Лу Ичуань мог его увидеть, говоря ещё не очень отчётливо: «Жунжун... Жунжун...»

Лу Ичуань опустил голову, пытаясь понять, и сказал: «Ты говоришь, что тебя зовут Жунжун?»

В гостиной тут же раздался смех взрослых.

Маленький Цзян Хэн нетерпеливо топал ногами: «Лунлун... Жунжун... нини...»

В голове Лу Ичуаня медленно возник вопросительный знак, и он перевёл умоляющий взгляд на мать.

Но в следующую секунду Цзян Хэн сунул пушистую утку-игрушку в объятия Лу Ичуаня: «Жунжун... ни я...»

Лу Ичуань попытался понять: «Ты хочешь сказать? Тебя зовут Жунжун, а Жунжун мой?»

Малыш Цзян тут же замер с пустым выражением лица.

Мать Цзян Хэна засмеялась: «Да, Жунжун твой, ты должен хорошо к нему относиться».

Только позже Лу Ичуань понял, что на самом деле Цзян Хэна звали не Жунжун. Тогда он говорил о своём пушистом утёнке, которого хотел подарить ему.

Но взрослые, присутствовавшие там, не объяснили ему этого, и он просто так и называл его много лет.

Что касается шутки матери Цзян Хэна, он тоже принял её за чистую монету.

В конце концов, он тогда принял подарок Цзян Хэна при встрече, и было естественно заботиться о нём.

А тогда семья Лу была в упадке, а родители Цзян Хэна редко бывали дома, и обе стороны были очень довольны таким положением дел.

Позже, когда Лу Ичуань возвращался из школы и учился играть на пианино, Цзян Хэн сидел в детском кресле и смотрел, как он играет. Даже при простом звуке неискушенный малыш Жунжун широко открывал глаза от удивления, словно видел что-то необыкновенное.

Когда Лу Ичуань заканчивал играть, малыш по-особенному громко кричал «Баааа!», хлопал своими маленькими пухлыми ручками и даже не замечал, что конфета у него во рту выпала.

Лу Ичуань поднял конфету с его одежды, вытер её и снова положил ему в рот, а затем взял салфетку и вытер слюни с уголков его рта.

Хотя ему было всего четыре года, он необъяснимо источал чувство серьёзности.

Малыш Жунжун, держа конфету во рту, невнятно звал его: «Дуодуо... Дуодуо...»

«Это Гэгэ», — поправил его Лу Ичуань.

«Хи-хи!»

«Смотри, как я говорю, гэ — гэ —»

«Хи — хи —»

«...»

«Ладно, пусть будет Дуодуо».

Цзян Хэн снова расплылся в улыбке.

«Дуодуо, звёздочки, звёздочки...»

«Какие звёздочки?»

«Нажми, звёздочки...»

«Ты хочешь послушать «Маленькие звёздочки»?»

«Ага!»

Лу Ичуань снова сел за пианино, и заезженная мелодия потекла по гостиной.

Малыш рядом с ним запоздало начал хлопать в ладоши, растягивая ноты.

«Маленькая... вспышка... пронеслась... по всему небу... ту-ту, ту-ту — это... маленькие... звёздочки...»

«... на... небе... сияют...»

«Дуодуо... Дуодуо... маленькие звёздочки...»

—

Лу Ичуань проснулся рано.

Он повернул голову и посмотрел в сторону: бумажная фигурка лежала так же, как он её оставил вчера, когда ложился спать, изгиб рта ничуть не изменился, она улыбалась, жутко глядя на него.

Лу Ичуань спокойно смотрел несколько секунд, затем встал и отнёс бумажную фигурку к медной чаше для сжигания бумаг.

Он безразлично поджёг бумажную фигурку.

Языки пламени поднялись перед ним, ярко освещая мертвенность в его глазах.

Лу Ичуань наблюдал, как бумажная фигурка догорает, затем потушил свечи у алтаря и вышел из комнаты.

Приближается Цинмин, дождей становится больше, воздух всегда наполнен туманом, словно задавая тон предстоящему празднику.

Он встал рано, на улице было мало прохожих, только пожилые мужчины и женщины занимались утренней зарядкой.

Цветущая айва во дворе почти отцвела, после ночного дождя на ветвях осталось совсем немного цветов.

И упадок весны — это начало лета.

Это более жизненный сезон.

Когда Лу Ичуань вышел из дома, он встретил женщину, которую видел в супермаркете в день рождения Цзян Хэна. Она, казалось, тоже только что вернулась с утренней зарядки, и, увидев его, на мгновение остолбенела, а затем с улыбкой поздоровалась.

«Сяо Лу, так рано выходишь?»

Лу Ичуань был в длинных брюках и рубашке, весь в чёрном, цвет его кожи казался бледнее, чем когда она видела его в супермаркете.

Это была не та белизна, которая появляется от хорошего ухода, а скорее...

Бледность, исходящая изнутри, как будто что-то высосало все питательные вещества из его тела.

Но на его лице была улыбка, брови расправились, как бамбук, омытый весенним дождём, изящный и чистый.

«Да, у меня утром занятие».

Женщина не удержалась и посмотрела на него ещё пару раз, чувствуя себя странно, но не понимая, что именно странно.

«Вы учитель?»

Мужчина, стоявший напротив неё, поднял руку, чтобы поправить ремешок часов на запястье, и, услышав это, с улыбкой сказал: «Нет, я учусь в аспирантуре, мой научный руководитель ленился и сбрасывает на меня некоторые неважные занятия».

Взгляд женщины привлекли часы на его руке, но когда она присмотрелась, Лу Ичуань уже опустил рукав, закрыв их: «Кстати, кажется, собирается дождь, поспешите домой».

Как только он закончил говорить, с неба начали падать мелкие капли дождя. Женщина собиралась уходить, но, увидев, как Лу Ичуань неторопливо открывает зонт, вдруг спросила: «Ваш брат один дома, когда вы уходите?»

Мужчина повернул голову и посмотрел на неё.

Под редким туманом его лицо казалось холодным, словно омытым дождём, только уголки рта по-прежнему не опускались.

«Я забыл вам сказать? Мой брат учится в том же университете, что и я, но он только на втором курсе, и на каникулах любит гулять с друзьями, не очень любит возвращаться домой».

Услышав это, женщина почему-то тихонько вздохнула с облегчением.

«Прошу прощения, я была слишком любопытна, до свидания, Сяо Лу».

«До свидания».

Женщина смотрела на его спину.

Они встречались нечасто, но ей казалось, что она всегда видит его спину.

Всегда один, улыбающийся, но всегда окруженный необъяснимой тоской.

—

Сегодня дождь шёл довольно сильно.

Чжао Шоу, держа зубную щётку во рту, снял носки, висевшие на перилах, и, обернувшись, увидел лысого котёнка, мрачно уставившегося на него.

Он резко хлопнул себя по голове, открыл рот, и пена полетела во все стороны: «Чуть не забыл о тебе, подожди, я почищу зубы и отведу тебя домой поесть».

Цзян Хэн брезгливо отступил на два шага, держась подальше от него.

Чжао Шоу быстро управился и, обняв кота, пошёл в общежитие Лу Ичуаня.

Как только он вошёл, Цзян Хэн сразу почувствовал, что воздух стал свежее.

Его выражение было настолько очевидным, что даже Чжао Шоу, хоть и был грубоват, это почувствовал: «Моё общежитие действительно настолько плохое?»

Кот в его объятиях вырвался и спрыгнул, кивнув головой по-человечески.

Чжао Шоу расстроился.

Неужели оно настолько плохое? Если посмотреть, то среди всех мужских общежитий его комната, наверное, среднего уровня?

Размышляя, он снова взглянул на комнату Лу Ичуаня.

Ладно, остаётся только винить Лу Ичуаня в том, что он слишком извращён.

Он достал кошачий корм и насыпал Цзян Хэну: «Еды я тебе насыпал достаточно, Лу Ичуань ушёл на занятия, наверное, вернётся только во второй половине дня. Ты останешься здесь или пойдёшь со мной?»

Цзян Хэн голодал всё утро, и, увидев это, зарылся головой в миску, широко открыл рот и сгреб большую порцию, издавая при этом невнятные звуки. Судя по всему, Чжао Шоу решил, что он не хочет возвращаться с ним в его конуру.

Он воспользовался случаем, чтобы погладить кота по голове: «Ладно, тогда ты останешься здесь, а я пойду».

Перед уходом он тихонько сфотографировал Цзян Хэна на свой телефон и отправил Лу Ичуаню, с улыбкой прошептав: «Вчера он выглядел вялым, а сегодня утром снова стал бодрым».

Вчера, увидев, как Лу Ичуань и Цзян Синбай просто ушли, Цзян Хэн действительно был немного расстроен, но после ночи размышлений он успокоился.

Он раньше мыслил ограниченно.

Он всегда смотрел с собственной точки зрения, поэтому, когда Лу Ичуань плохо к нему относился, он был несчастен, и когда Лу Ичуань хорошо относился к другим, он тоже был

несчастен. Он всегда сравнивал нынешнего Лу Ичуаня с прежним, но забыл, что Лу Ичуань вообще не знает, кто он такой.

Для него он был всего лишь котом, которого он случайно подобрал. Просто кот, ему давали еду и питьё, не издевались над ним, так как же можно относиться к коту как к человеку?

И потом, он умер, и Лу Ичуань живёт хорошо — это то, чего он хотел. Новые друзья, новый брат, новая жизнь... это гораздо лучше, чем...

...чтобы он по-прежнему пребывал в печали из-за него.

Подумал Цзян Хэн.

Он раньше был так эгоистичен.

Он не хотел, чтобы Лу Ичуань грустил из-за него, но и не хотел видеть, как Лу Ичуань живёт хорошо.

Но мир не вращается вокруг него одного, и нынешняя ситуация уже хороша для всех.

Он же не может выскочить перед всеми и сказать, что он Цзян Хэн, верно?

Четыре года, всем было так трудно привыкнуть к нынешней жизни, а он вдруг выскочит и нарушит существующий баланс. Он будет счастлив, но что делать остальным?

И потом, как мертвый человек, вдруг превратившийся в кота, может быть принят другими? Может быть, его сразу же отправят в исследовательский институт?

Что касается Лу Ичуаня...

Цзян Хэн беспокоил его более десяти лет, и, начав всё сначала, он не хотел больше его беспокоить.

Цзян Хэн в глубине души подумал.

Если Лу Ичуань всё ещё будет грустить из-за его смерти, он расскажет ему правду, если же он живёт хорошо, то он не будет его беспокоить.

Что касается его...

Если Лу Ичуань захочет его держать, пусть держит, всё равно один кот не требует больших затрат. Если не захочет, он вернётся к Дахуану и Сяо Баю.

Жизнь кота так коротка, он должен жить счастливо.

Придя к такому выводу, Цзян Хэн почувствовал, что весь мир стал светлее.

Поев, он оттащил кошачью лежанку на балкон, слушая шум дождя, и собирался снова заснуть.

—

<http://bllate.org/book/14493/1282713>